

ДЕТЕКТИВ — ТРИЛЛЕР

ВЕРА АРД

ПУСТАЯ КОЛЫБЕЛЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.121.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А79

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серийное оформление *В. Половцев*

Ард, Вера.

А79 Пустая колыбель: [роман] / Вера Ард. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Путеводная нить. Психологический детектив).

ISBN 978-5-17-145995-6

Страшная эпидемия поразила страну. С каждым днем все больше новорожденных становятся жертвами неизвестной болезни, не дающей детям прожить на свете и дня. Врачи бьют тревогу, а религиозные и политические деятели пытаются использовать ситуацию в своих целях. Долгожданная беременность оборачивается для героини кошмаром. Но, несмотря на мнение окружающих, она решает сохранить ребенка, не представляя, к каким ужасным последствиям это приведет.

УДК 821.121.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-145995-6

© Ард В., 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть 1

ДНЕВНИК

Анна, я долго думала и решила, что вы правы. Пока есть время, стоит записать свою историю. Варю забрали час назад. Сегодня для нее все закончится, мне же ждать еще два дня. Сидеть в одиночестве невыносимо. А дневник — хороший способ вспомнить все по порядку и попробовать убедить себя, что я ни в чем не виновата...

Месяц первый. Октябрь

Не помню точное число, но уверена, что был понедельник. Середина октября. Я стояла в туалете, держа в руках тест на беременность. Две полоски. Пять минут назад, доставая тест из коробки, я еще не знала, какой результат надеюсь увидеть. Второго ребенка мне давно хотелось, но каждый раз, когда ничего не получалось, я ловила себя на мысли, что, может, это и к лучшему. Алине одиннадцать, она самостоятельная, почти взрослая личность, а тут снова грязные подгузники, колики, бессонные ночи. Да еще и девять месяцев беременности с уймой проблем, про которые иной раз не расскажешь и подругам. Но, увидев в тот день две полоски, я почувствовала, что к глазам подбираются слезы, и прошептала: «Благодарю тебя, Господи».

Пару минут я стояла замерев и не могла заставить себя выбросить тест. Нет, хранить его или показывать мужу я не собиралась. Мне казались глупыми подобные сентиментальные игры. Я представила выражение лица Олега, если бы он развернул подарочную бумагу, как показывают в слезливых мелодрамах, и увидел там ЭТО. Сначала недоумение, за ним понимание, а потом брезгливость и вопрос: «Ты что, на него писала?»

Олег, Олег... Я так боялась его реакции. Мы приняли это решение вместе и уже больше года пытались зачать ребенка, но никак не получалось. Врачи не видели причины. Да, нам обоим за тридцать пять, мы не так молоды и здоровы, но обследования никаких серьезных проблем не показывали.

Через год попыток я успокоилась и решила, что, если ничего не выйдет, значит, не судьба. Больше мучить себя не буду: сдавать анализы, пить лекарства с гормонами, высчитывать подходящие дни, заниматься сексом по расписанию. Хватит. Вернемся к обычному образу жизни, получится — хорошо, нет — значит нет, в конце концов, дочь — уже подросток, лет через десять у нас и внуки могут появиться.

Когда я сказала о своем решении мужу, он не расстроился, а даже будто обрадовался. Я знала, что хочу второго ребенка сильнее, чем Олег, но при этом была уверена: он стал бы прекрасным отцом для малыша. Олег обожал Алину. Именно поэтому после той истории мы все еще были вместе. Никто не смог бы заменить Алине отца. В глубине души я надеялась, что сейчас будет мальчик. И муж точно несказанно этому обрадуется, хоть он и говорил, что лишь глупцы считают жизненно важным родить сына.

Олег... Я любила его. Несмотря ни на что. Олег и Алина. Моя семья. А теперь нас должно было стать больше.

Услышав шум открывающейся двери, я выглянула из кухни, где готовила ужин, в прихожую. Муж пришел с работы. Все мысли улетучились. Я просто стояла и глупо улыбалась. Олег посмотрел на меня своими ка-

рими глазами, будто выпучив их. На лице застыло непонимание.

— Ты чего? Как-то странно выглядишь, — заметил он.

Слова застряли в горле. Я продолжала стоять и глупо улыбаться. Он покачал головой и наклонился развязать шнурки. Когда муж снял ботинки и куртку, я просто подошла и крепко обняла его. Олег немного полноват и выше меня ростом, поэтому я уткнулась лицом ему в грудь. Он был мягкий и очень родной.

— Маш, да что случилось-то? — все еще не понимал муж.

Я посмотрела на него. На глаза снова навернулись слезы. Прошептала:

— Я беременна.

Не помню, что было дальше. Кажется, на лице его отразился шок. Я даже не рассказывала про задержку: надоело каждый раз надеяться. А сам Олег, конечно, не считал дни: это наши, женские дела, мужчинам не до них. Потом, немного придя в себя, он начал спрашивать меня. Я сказала, что ничего еще не знаю. Просто тест положительный. Он ответил, что нужно сделать УЗИ, сдать нормальные анализы: не стоит заранее радоваться, вдруг ошибка. Сейчас мне кажется, что он успокаивал не меня, а себя. Олег не хотел менять привычный уклад жизни.

Мы договорились ничего пока не говорить Алине. Сначала все проверить, полностью обследоваться. Она так привыкла быть единственной. Быть центром нашей семьи с самого рождения. Я не представляла, как делить любовь, отданную дочери, еще с кем-то. Сможет ли она

принять малыша и стать ему хорошей сестрой. Мне бы этого очень хотелось.

Муж ушел переодеваться, а я продолжила готовить ужин, ожидая прихода дочери со спортивной секции. Включила на кухне телевизор. Шли новости. Возможно, память играет со мной злую шутку и это было в другой день, но мне кажется, что все-таки в тот. Диктор в новостях сообщила о странных смертях новорожденных детей в московских роддомах. Причины были неизвестны. За последнюю неделю более тридцати малышей без патологий погибли от синдрома дыхательных расстройств. Просто перестали дышать в первые сутки после рождения. Я помню, как посочувствовала мамам, которым после девяти месяцев беременности вместо того чтобы кормить своих малышей грудью, придется хоронить их. Это было ужасно. Потом подумала: как хорошо, что мы не в Москве. Волгоград далеко. Это там, у них в столице, все время что-то страшное происходит, а нас оно не касается.

Месяц второй. Ноябрь

Остаток октября прошел в легкой приятной суете. Я сдала анализы, сделала платное УЗИ. Все подтвердилось. Теперь нужно было добраться до женской консультации и встать на учет. Я не торопилась, срок ведь совсем маленький. О беременности пока никому не рассказывала: ни родственникам, ни коллегам.

Помню, как на работе (я редактор на крупном волгоградском новостном портале) мы впервые обсуждали то, что творится в Москве. Тогда еще довольно безопасно. Вот, типа, плохая у них экология и никакие деньги не спасут. Но число погибших сразу после родов детей увеличивалось с каждой неделей.

Анна, вы помните, как стали приходиться новости из регионов? Так маленькое пятнышко акварельной краски начинает расплзаться на тонкой бумаге, занимая все больше и больше пространства. В конце октября это была Центральная Россия — Рязань, Тверь, Владимир. В первых числах ноября — Санкт-Петербург, Казань, Воронеж и...

— Вы не представляете, что случилось! — В опенспейс, где нас работало человек тридцать, влетела Саша, одна из наших главных акул пера. Всегда аккуратно

причесанная и спокойная, сейчас она была похожа на спортсменку, закончившую бежать длинный марафон. Поневоле я и все рядом сидящие подняли головы.

— Что, Саш? Большая распродажа в «Сити Молле»? — рассмеялся Денис, наш зам главного редактора, сидевший через стол от меня.

— Нет, — выдохнула она. — Я только что разговаривала с одним врачом из Второго роддома. Началось... Трое детей за последние сутки. Все сразу после родов. Не задышали.

Я схватилась обеими руками за стол, чтобы не потерять сознание. Что-то резко подкатило к горлу, и мне перестало хватать воздуха. Хорошо, что в этот момент никто на меня не смотрел. Все внимание было направлено на Сашу.

— Это точно то самое? — спросил кто-то.

— Да, по всем признакам похоже. Эпидемия и до нас дошла. Врач мне рассказал, что болезнь связана с дефицитом сурфактанта. Это вещество, которое содержится в легких. Оно начинает формироваться с середины беременности, покрывает легкие малышей изнутри и, грубо говоря, не дает им слипаться. Без этого слоя кислород не может нормально поступать в кровь, легкие не расправляются. Так вот, у погибших детей это вещество во время беременности матерей не образовывалось. Ребенок делает вдох, а кислорода нет. Малышей пытаются к аппарату искусственной вентиляции подключать, но все бесполезно. Легкие не работают. Ребенок умирает.

— Ужас-то какой... Хорошо, что у нас никто не беременный, — произнес Денис. — Не представляю, как

жить с этим, зная, чем все может закончиться. В Москве уже выживших лишь процентов десять.

— Вроде сейчас срочно закупают сурфактант из-за границы, там научились его выделять из крови животных, — добавила Саша. — Но все равно, это только временная история. Препарат дорогой, сколько его будут колоть одному ребенку? Если у него в организме ничего не вырабатывается? Явно простым смертным не на что рассчитывать.

— У одного из наших программистов сейчас жена на шестом месяце, — задумчиво произнесла кадровичка. — Тяжко им будет...

Я слушала этот разговор словно в тумане. Саша убежала минут через десять, а вокруг все гудело. Страшно, было страшно. Я написала сообщение Олегу, рассказала об услышанном. Он сразу же ответил, пытаюсь меня успокоить тем, что до родов еще восемь месяцев и произойти может все что угодно, а если это реальная болезнь, то лекарство от нее найдут, ведь не могут просто так по всей стране умирать дети.

Я убежала в туалет. Меня тошнило, хотя от токсикоза до этого я не страдала. Уже месяц я пыталась отгородить себя от плохих новостей. Я надеялась, что все будет в порядке и нас беда не коснется. Но при этом все больше времени старалась проводить с дочерью, будто пытаюсь найти в ней поддержку. Алина ничего не знала и не понимала, почему я так хочу лишний раз обнять ее и заняться чем-нибудь вместе. Она уже была подростком, стремящимся всеми силами показать свою взрослость. А мне хотелось видеть ее маленькой девочкой, которая учится ходить, цепляясь за мои брюки. Будет

ли у меня еще малыш? Будут ли вообще дети в этом мире? Как же страшно! Как страшно! Слезы полились из глаз. Я достала платок и вытерла их. Нет, дотянуть до последнего, никому не говорить. Не хочу этих сочувственных взглядов, вопросов, как будто я в терминальной стадии рака. Нет-нет, я хочу верить, что все будет хорошо.

* * *

Середина ноября. Десятая неделя с последних месяцев. Так гинекологи считают срок беременности. Пора было вставать на учет. С прошлого года будущих мам обязали появляться в женской консультации до двенадцатой недели. И проходить все нужные обследования, иначе потом возникнут проблемы с получением родового сертификата. Вместо обычного городского роддома тебя отправят в наблюдательный — к наркоманкам, бомжам, малолетним матерям, еще не успевшим окончить школу. Там оказывалась лишь экстренная помощь. И дети, как правило, становились отказниками. А маму, наплевавшую на новые правила, ждало расследование, грозящее серьезным штрафом и отсутствием декретных выплат, если она в суде не могла подтвердить, что были непреодолимые препятствия, не позволившие ей провести беременность под присмотром врача из государственной поликлиники. Нет, такого себе не могла позволить ни одна нормальная женщина. Когда закон был принят, многие возмущались, что это противоречит конституции. Но нам сказали, что демографическая ситуация в приоритете, поэтому только